

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ОБЩЕСТВА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РСФСР,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

**ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КРИТИК
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ
В. Г. БЕЛИНСКИЙ**

**Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 20 апреля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве**

○

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1948 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Действительный член Общества,
заслуженный деятель науки РСФСР
доктор филологических наук
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КРИТИК
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ
В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 20 апреля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве

Редактор — кандидат филологических наук **Н. М. Онуфриев**

Л04535

Тираж — 100.000 экз.

Заказ 1189.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Поэт Н. А. Некрасов в стихотворении, посвящённом Белинскому (1855 год), писал о великом критике:

«И он пришёл, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!»

Как писал В. И. Ленин, Белинский явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении... ещё при крепостном праве...»¹.

Вся деятельность великого критика-демократа была насыщена протестом против существовавшего тогда феодально-крепостнического строя, овеяна мечтой о лучшем будущем русского народа. Выступления Белинского, направленные против рабства и угнетения, отразили настроения широких масс русского народа. С неукротимой страстью отстаивал критик свои передовые идеи. И сила его убеждённости не раз заставляла отступать его идейных противников. Друзья же и единомышленники прозвали его «неистовым Виссарионом». Сам Белинский говорил о себе: «Страстность — это источник моих мук и радостей», «я не умею отдаваться наполовину».

Огромное, благотворное влияние деятельности Белинского на его современников отмечал Некрасов:

«Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!..
Ты нас гуманно мыслишь научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...»

(«Медвежья охота», 1867 год).

Литературное наследство Белинского продолжало оказывать идейное воздействие и на последующие поколения русского общества, сыграло исключительную роль в развитии русской литературы и во многом не утратило своего значения и в наши дни.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

Белинский, гениальный русский мыслитель и философ, блестящий критик и публицист, выдающийся теоретик искусства, сумел в своих статьях по вопросам литературы выразить великие освободительные идеи, которые позднее продолжала развивать когорта революционных демократов 60-х годов.

Значение Белинского очень быстро вышло за пределы специальной области — критики — и стало достоянием всей культуры, русской и мировой. Белинский сумел преодолеть широко распространённые в его время в русском обществе увлечения идеалистической философией и стать на позиции материализма и революционного демократизма. Об этой внутренне богатой эволюции Белинского очень хорошо сказал С. М. Киров. «Тургенев, — писал С. М. Киров в статье «Великий искатель» (1911 год), — назвал Белинского «центральной фигурой», вернее было бы назвать его Моисеем русской общественной мысли, который вывел её из тёмных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма. В течение своей короткой жизни он прошёл все тернии, от бесплодной метафизики к научному мирозерцанию. Он поднял тот яркий светильник научного мирозерцания, который освещает путь нашему поколению. На могиле его, страстотерпца русской общественной мысли, и растёт то древо, под которым собираются жаждущие добра, красоты и справедливости. И память о нём будет жива ещё многие и многие годы; и не одно ещё поколение будет с жадностью припадать к «Мечтаниям» «великого искателя», ища ответа на мучающие социальные вопросы»¹.

Белинский своими работами внёс огромный вклад в развитие не только русской, но и общеевропейской эстетической мысли.

Сложный путь общественно-политического и философского развития Белинского был тесно связан с ростом освободительного движения в стране. На притеснения и издевательства крепостников народ отвечал всё увеличивающейся волной восстаний, Крестьянское движение в России носило в тот период стихийный характер. «Крестьянские восстания, — говорил И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими вос-

¹ «Литературная газета» от 1 декабря 1939 года.

станиями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

В 30-е и 40-е годы XIX века революционного пролетариата в России ещё не было, и крестьянство, оставаясь предоставленным самому себе, не могло вести организованной борьбы. Однако своим стихийным протестом крестьянство побуждало передовых людей России искать выход из социального тупика, и одно из первых мест в фаланге этих передовых людей принадлежит Белинскому.

В середине 40-х годов Белинский становится пропагандистом идей революционных демократов, пропагандистом материалистического мировоззрения.

Царствование Николая I было периодом мрачной реакции, «эпохой мглы, произвола и отчаяния». «За каждое смело сказанное слово,— вспоминает Герцен,— люди платили тюрьмой, каторгой и ссылкой». Но, невзирая на все цензурные преграды и опасность жестокой кары, эти смелые слова произносились. Старания царя и его пособников были направлены на то, чтобы «ставить умственные плотины», парализовать развитие освободительного движения в стране. Министр просвещения граф Уваров заявлял: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет..., то я выполню мой долг и умру спокойно». Белинский же всю свою жизнь боролся за распространение просвещения и освобождение закабалённого крестьянства. Своей преданностью и настойчивостью он воодушевлял других на святую борьбу с крепостничеством. «Вряд ли кто-либо ещё в истории русской литературы и публицистики,— писал М. И. Калинин,— так властвовал над умами людей и столь действительно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский...»².

Белинский рвался на простор общественно-политической деятельности, но жизнь не давала ему этой возможности.

В силу цензурных условий не имея возможности открыто выражать свои политические убеждения, он умело использовал для этого свои статьи по вопросам литературы.

В 1846 году Белинский писал: «Я попрежнему не могу печатно сказать всё, что думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

² М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи, стр. 220. «Молодая гвардия». 1946. Изд. 2-е.

«Великий русский критик и революционный демократ В. Г. Белинский».

её нельзя популяризировать и обнародовать? — мёртвый капитал!»

С болью Белинский говорит: «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи» или «я родился быть трибуном, а пишу о повестях и романах...»

Чернышевский прекрасно подметил эту тоску, когда писал, что Белинский «чувствует, что границы литературных вопросов тесны, он тоскует в своём кабинете, подобно Фаусту, ему тесно в этих стенах, уставленных книгами, всё равно хорошими или дурными; ему нужна жизнь». «Энергия и невозможность дела сломили его, — говорил о трагедии Белинского Герцен. — Возможность внутренняя и невозможность внешняя превратили силы в яд, отравляющий жизнь».

Белинский работал как бы со связанными руками и был вынужден в литературно-критических статьях выражать и свои заветные политические идеи, и философские мысли, и веру в светлое будущее родины, и гневный протест против царизма. Не было арены для политической деятельности, и Белинский шёл в журнал. Журнал заменил ему политическую трибуну, стал кафедрой, с которой он призывал русское общество идти вперёд. Цензура всячески мешала ему высказывать свои мысли, и это обстоятельство надо иметь в виду, когда мы хотим разобраться в том, о чём хотел сказать критик и о чём он умел конспиративно говорить, несмотря на притеснения цензуры.

Литературно-критические статьи Белинского — это синтез политики и философии, этики и эстетики, истории и социологии, лирики и педагогики. Белинский высоко ценил литературу как общественную силу, как проводник высоких идей, призванных воспитывать общество. «Какова бы ни была наша литература, во всяком случае её значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться: в ней, в одной в ней вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни. Только в её сфере перестаем мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся к людям и с людьми».

Белинский не мог кривить душой, не мог лицемерить. «Если дело дойдёт до того, что мне скажут, — писал Белинский, — независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет сил скорее издохнуть, как собака, нежели живому отдаться на позорное съедение псам. Что делать — я так создан».

Ни личная выгода, ни страх перед сильными врагами, ни дружеские отношения — ничто не могло поколебать его, ничто не могло заставить Белинского отступить от истины. Известно много фактов, свидетельствующих о его кристальной честности. Писатель И. И. Лажечников, зная о крайней нужде Белинского, однажды помог ему устроиться в качестве секретаря к богатому помещику А. М. Полторацкому. Белинский редактировал писания помещика и за это имел комнату, хорошее питание, пользовался книгами богатой библиотеки. «Но вскоре заходят тучи над этой блаженной жизнью,— рассказывает Лажечников.— Оказывается, что за неё надо подчас жертвовать своими убеждениями, собственной рукой писать им приговоры, действовать против совести. И вот в одно прекрасное утро Белинский исчезает из дома, начинённого всеми житейскими благами, исчезает со всем добром, завязанным в носовой платок, и с сокровищем, которое он носит в груди своей...». Вспомним и другой факт. В 1837 году идейные противники критика, реакционные писатели Погодин и Шевырёв задумали привлечь Белинского в свой журнал «Москвитянин». Белинский тогда крайне нуждался, голодал, не имел работы. Но он наотрез отказался от предложения. «Мне стороною предлагали сотрудничество, — писал он об этом, — но чорт их возьми... Мне не надо их денег, хоть осыпь меня золотом с головы до ног».

Белинский был требовательным не только к другим, он не щадил и самого себя, всегда прямо и честно признавая свои ошибки и промахи. Известно, что одно время под влиянием идеалистической философии Белинский пытался признать законность самодержавия и говорил о «примирении» с ним. Но вскоре, раскаявшись в этом страшном заблуждении, он без колебаний и без смягчения своей вины проклинал «своё гнусное стремление к примирению».

* * *

Краток жизненный путь Белинского. Родился он в 1811 году в городе Свеаборге. Ранние годы своей жизни, до 1829 года, он провёл в пределах Пензенской губернии — сначала в г. Чембаре, затем в Пензе; следующие 10 лет (1829—1839 годы) — в Москве и последние 10 лет (1839—1848 годы) — в Петербурге.

Летопись литературной деятельности Белинского мы обычно ведём с его статьи, появившейся в газете «Молва» в 1834 году, — «Литературные мечтания».

Это был литературный манифест новой восходящей России.

«Элегия в прозе», как гласит подзаголовок статьи, была проникнута бодрым и светлым настроением молодого, смело шедшего в бой за новые пути литературы критика. В статье литературно-критические суждения Белинского тесно сплетены с его общественными и философско-эстетическими воззрениями.

В «Литературных мечтаниях» Белинский обозревает путь движения литературы от Ломоносова — «первого её гения» — до Пушкина. «Пушкин, — по его мнению, — был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества, но мира русского». Из всех периодов литературы (ломоносовского, карамзинского) «период Пушкинский, — говорит Белинский, — был ознаменован движением жизни в высочайшей степени».

Белинский в этой ранней статье поставил вопрос о реализме, о народности литературы и об отличии подлинной народности от простонародности. Он предостерегал от смешения народности с тривиальностью, с упрощенчеством.

По своим общественным взглядам Белинский в этот период был просветителем. Он призывает к распространению просвещения среди народных масс. «Поверьте, что русский народ никогда не был заклятым врагом просвещения, он всегда готов был учиться; только ему нужно было начать своё учение с азбуки, а не с философии, с училища, а не с академии». Горькая истина — разрыв между обществом и массами — ему была ясна; он писал: «Народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней... жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа в горе и в радости; второе же, видимо, изменилось... забыло всё русское».

Но в «Литературных мечтаниях» есть исторический оптимизм, связанный с верой Белинского в будущее русской литературы: «Да! В настоящем времени зреют семена для будущего! И они взойдут и расцветут пышно и великолепно... И тогда будем мы иметь свою литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцев».

В то же время на философских положениях, высказанных в «Литературных мечтаниях», сказалось кратковременное влияние на критика идеалистической философии. Утверждения Белинского, что мир есть «дыхание единой, вечной идеи», что «искусство есть выражение великой идеи вселенной», навеяны шеллингианской эстетикой. Но Белинский и в отношении к идеалистической

философии проявил полную самостоятельность и, не приняв целый ряд тезисов этой философии, пошёл против Шеллинга.

Идею «свободы искусства» он выдвинул как оружие в борьбе против официозной тенденциозности в литературе, против журнального «триумvirата продажных витязей пера»: Булгарина, Сенковского и Греча. Молодой критик решительно осудил реакционный дидактизм Булгарина, развенчал официозную драматургию Кукольника и других продажных писак, которые умели кадить «кадилом лести» царю и правительству. В них он видел врагов просвещения и народных масс, в их писаниях он усматривал защиту социальной несправедливости и духовного унижения.

Мысли Шеллинга о мировой гармонии молодой русский критик противопоставил призыв к борьбе: «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, без действия нет жизни». Белинский призывал не к созерцанию мировой гармонии, а к действию, к активному вмешательству в жизнь. Ни мистицизм, ни антиобщественный характер, ни «бесконечная гармония» Шеллинга не встретили у Белинского сочувствия. Во всём этом проявилась трезвость ума молодого критика, его самостоятельность.

Мысль о важности активного отношения человека к жизни, которую ввёл Белинский в статью, ниспровергала основные идеи религиозно-идеалистического кодекса Шеллинга и, в частности, его положения о гармоническом саморазвитии мира, о необходимости для человека стремиться к соединению с богом и т. п.

Белинский выступил гуманистом, трезвым реалистом, сторонником просветительской деятельности. Присущий ему историзм помог не оторваться от земли, вырваться из плена идеалистических схем и осознать верный путь исторического развития родины и её литературы.

В «Литературных мечтаниях» Белинский изложил своё кредо литературного критика. Историзм и всесторонность изучения деятельности писателя — вот отправные положения его метода. Он отдаёт предпочтение той критике, которой «рассматривается весь круг деятельности того или другого писателя, определяется степень его влияния на современников и потомство, разбирается дух его творений вообще, а не частные красоты или недостатки; берутся в соображение обстоятельства его жизни, дабы узнать, мог ли он сделать больше того, что сделал, и объяснить, почему он делал так, а не этак, и уже по соображении всего этого решать,

какое место он должен занимать в литературе и какою славой должен пользоваться».

По этому принципу Белинский разобрал творения Ломоносова — этого «Петра нашей литературы», определил значение Карамзина, смысл деятельности Пушкина, его романа «Евгений Онегин» и драмы «Борис Годунов» и с убеждённою сказал, что «пушкинский период был самым цветущим временем нашей литературы».

Здоровые черты мировоззрения молодого Белинского (реализм, просветительские устремления, гуманизм, трезвость ума) обеспечили успех и другой его ранней статьи — о первых повестях Гоголя.

Молодой критик сумел правильно оценить творчество Гоголя. В то время как Гоголь в глазах консервативных критиков был всего лишь «писателем по весёлой части», Белинский увидел в нём большой талант писателя-реалиста, верность его искусства действительности. «В том-то и состоит задача реальной поэзии, — писал Белинский в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835 год), — чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни».

Основная заслуга Гоголя в том, что он «поэт жизни действительной», говорит Белинский, умеет показать «совершенную истину жизни». Белинский отметил и своеобразие таланта Гоголя — «комическое воодушевление, всегда поддерживаемое глубоким чувством грусти». Белинский подходит к социальному осмыслению творчества Гоголя, когда утверждает, что «повести Гоголя народны в высочайшей степени... Жизнь всякого народа проявляется в своих, ей одной свойственных формах; следовательно, если изображение верно, то и народно».

С начала своей деятельности Белинский стал ратовать за развитие журналистики. В 1835 году он писал: «Мир журнальный есть мир политический в миниатюре; в нём есть свои оппозиции, свои союзы, свои войны и примирения». Белинский выдвигает мысль о создании массового журнала: «У нас ещё мало читателей; ...журнал, имеющий пять тысяч подписчиков, есть редкость неслыханная, диво дивное». Отсюда задача — «умножить читателей». А для этого необходимо, чтобы журнал завоевал себе симпатии у общества и имел определённое направление, «физиономию, характер». «Вы хотите издавать журнал с тем, чтобы делать пользу своему отечеству, так узнайте же прежде всего его главные, на-

стоящие текущие потребности». Служение родине, т. е. борение за насущно важные задачи своего времени, делает журнал руководителем общества: «Наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережёвывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости, сообразуясь с ними, действуйте на них».

Белинский ставит и другую важную цель перед журналом: развивая и распространяя вкус к чтению, развивать и «чувство изящного». Чувство изящного в его понимании — не просто эстетическое чувство. «Это чувство есть условие человеческого достоинства: только при нём возможен ум, только с ним учёный возвышается до мировых идей... только с ним гражданин может нести жертву отечеству... только с ним человек может сделать подвиг и не сгибаться под его тяжестью. Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума — остаётся один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчётов жизни». Белинский видит в журналисте носителя гражданского самосознания. «По нашему простому, плебейскому мнению, журналист должен поставить себе за священную обязанность неусыпно преследовать надувателей невежества». Белинский не всякую цивилизацию берёт под защиту, он признаёт цивилизацию лишь ту, которая приносит благо народу, чужда корысти и расчёта. Он осуждает американскую цивилизацию и демократию, которые не имеют в себе высокого морального идеала. «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие... Я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна... Там люди не борются со злом, а избегают его, избегают его не по ненависти ко злу, а из расчёта. Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а, следовательно, — и добру, единственной цели бытия человека, жизни народов, существования человечества», — писал Белинский в 1836 году.

Белинский верит в промышленный расцвет России: «Погодите, и у нас будут чугунные дороги, и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится».

Однако в тот период конкретного ответа на вопросы о том, что такое добро и что такое зло, как надо бороться за просвещение, от успехов которого станет лучше жизнь народа, Белинский

дать не мог. Его идеалы страдали абстрактностью, были оторваны от жизни. Такой же абстрактной была и его позиция в период кратковременного увлечения философией Фихте. Хотя он признавался, что «фихтеализм понял, как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови» (письмо к Бакунину от 12 октября 1838 года), всё же Белинский оставался на той же абстрактной позиции. Он сам осудил годом позже этот абстрактный героизм, осознав его слабость. «Эта апотеоза абстрактной любви к человечеству без всякого содержания, — писал он в письме от 2 октября 1839 года Н. В. Станкевичу, — бросила меня в абстрактный героизм, вне которого я всё презирал, всё ненавидел (и если бы ты знал, как дико и болезненно) и в котором я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряжённый восторг, сознавал себя нулём».

В поисках истины Белинский обратился к философии действительности Гегеля. Формулу Гегеля «всё разумное действительно» он понял так: «Всё, что есть, то необходимо, разумно и действительно», — и пытался, опираясь на неё, оправдать существующее.

Но, принимая действительность такой, как она есть, критик вступал в противоречие со своими собственными устремлениями и мечтами об освобождении русского народа.

Под влиянием вредной мысли о примирении с действительностью Белинский в двух статьях, посвящённых Бородинской годовщине (1839 год), пытался доказать законность царской власти и необходимость безусловного подчинения.

Однако Белинский и в этих статьях не забывает о высоких качествах русского народа, о патриотизме русских солдат, выражает чувство национальной гордости, давая резкую отповедь бескрылому космополитизму. Он много говорит о Бородинской битве, в которой Россия спасла Европу, после чего русские «гордятся быть русскими». И тут же выражает веру в светлое будущее родины: «Необъятно пространство России, велики её юные силы, беспредельна её мощь, и дух замирает в трепетном восторге от предощущения её великого назначения».

В статье «Менцель, критик Гёте», написанной в этот же период, Белинский излагает свои взгляды на искусство. Сущность искусства, по его представлениям, в то время проявляется лишь в искусстве, «в самом себе имеющем свою цель и свою причину». В это время критик разделял мнение, что «истинно-художественное произведение примиряет его (человека) с действительностью».

Однако познавательной роли искусства Белинский никогда не отрицал, критерием высокого искусства считал нравственное содержание и убеждённо говорил: «что художественно, то уже нравственно».

В той же статье Белинский определил метод и задачи деятельности критика. Белинский был далёк от мысли, что критик должен делать свои личные ощущения «высшим критерием изящного», и он зовёт постигать природу искусства, где «нет прекрасных форм без прекрасного содержания».

Противоречия, свойственные его воззрениям этого периода, сказались на оценке им отдельных явлений русской литературы. Так, например, Белинский резко осудил «Горе от ума», поскольку «сатира,— по мнению критика в этот период,— не может быть художественным (подчёркнуто мною. — Н. Б.) произведением». В ранней статье «Литературные мечтания» Белинский называл это произведение «божественной комедией», а здесь находит, что «Горе от ума» «в его целом есть какое-то уродливое здание», что «в комедии нет целого, потому что нет идеи». Правда, он не сомневается, что «Горе от ума» есть «произведение таланта могучего, драгоценный перл русской литературы, но... произведение, слабое в целом, но великое своими частностями».

Позднее, как известно, Белинский в письме к Боткину признал свою ошибку и писал, что «говорил свысока об этом благороднейшем протесте против гнусной российской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников».

Белинский осуждал тогда поэта Полежаева, яркого обличителя самовластья ефрейтора-царя, порицал шиллеровских героев — протестантов, отмечая, что они «решительно безнравственны в отношении к абсолютной истине».

Так неистовый Виссарион (по его собственному выражению) «ссорился с истиною». Из-за этих статей он разошёлся с Герценом и другими друзьями. Но эта печальная полоса была кратковременной.

* * *

Воззрения Белинского в 40-е годы представляют резкий переход к идеям материализма, социализма и революционного демократизма. В эти годы Белинский в своих статьях даёт всесторонние оценки русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, —

оценки, во многом сохраняющие своё значение и до сих пор, а также разрабатывает теорию реализма нашей литературы.

40-е годы прошлого столетия были значительным периодом в развитии русской культуры. Эти годы были связаны с деятельностью таких гениев, как Глинка, Федотов, Щепкин, Белинский, Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин. 40-е годы — яркая полоса русской истории, их можно рассматривать как преддверие 60-х годов. В стране ширилось, росло крестьянское движение, внушавшее лучшим людям России революционные мысли и чаяния во имя интересов угнетённых масс. Этот зов времени имел в виду Белинский, когда писал, что в русском обществе «кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжёлым гнѐтом», не находят выхода, и «только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперѐд».

В литературе этих лет действительно появились выдающиеся произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Русская литература проникается глубокими социальными идеями, и Белинский всей силой своего авторитета поддерживает это направление. В этот период и он сам переживал подъём и углубление своих политических, философских и эстетических воззрений.

Белинский «сжѐг всё, чему поклонялся». Со всей язвительностью он накинулся на Гегеля. 4 октября 1840 года критик писал Боткину: «Проклинаю своё гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью. Да здравствует разум, да скроется тьма». Белинский не только отрезвился, но и, быстро усвоив новые, передовые взгляды, двинулся вперѐд. «Для меня теперь, — писал он Боткину в том же письме, — человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества!» В письме к Боткину от 8 сентября 1841 года он заявляет: «Идея социализма стала для меня идеей идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания... Социальность, социальность или смерть!.. Вот мой девиз. Что мне в том, что живѐт общее, когда страдает личность».

Белинский чувствует дыхание современности. Довольство обеспеченного дворянства на фоне нищеты и крепостного бесправия — эти социальные противоречия терзают его. Он склоняется к мысли о революции. «Я понял французскую революцию; я понял кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть

ко всему, что хотело отделаться от братства с человечеством» (письмо к Боткину от 27 июня 1841 года).

Крутой перелом в мировоззрении Белинского имел и ближай-шие причины. В 1839 году он переехал в Петербург, и город с его противоречиями роскоши и бедности показал Белинскому, как свидетельствует Чернышевский, что «действительная жизнь... движется вовсе не по идеальному плану гегелевской системы». В письме от 13 июля 1840 года Белинский писал Боткину: «Меня убило это зрелище общества, в котором действуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а благородное и даровитое лежит в позорном бездействии».

Для критика не прошло незамеченным и то, что поэзия Лермонтова, поэзия истинно художественная, зовёт не к примирению с действительностью, а к борьбе. Как рассказывает И. И. Панаев, Белинский видел, что «начинающий поэт обнаруживает огромные поэтические силы, каждое новое его стихотворение в «Отечественных записках» приводило Белинского в экстаз, между тем в этих стихотворениях примирения не было и тени». Надо указать и на благотворное влияние Гоголя. П. Анненков говорит, что Белинский в 1840 году много читал Гоголя и что «вместе с другими агентами его отрезвления — уроками жизни, развитием собственной его мысли и внушениями друзей» и, добавим мы, могучим воздействием крестьянского движения, «Лермонтов и Гоголь были не последними агентами» отрезвления Белинского.

Когда в мае 1840 года Герцен приехал в Петербург и встретился с Белинским, последний при напоминании о «Бородинской годовщине» вспыхнул и сказал: «Ваша взяла, три—четыре месяца в Петербурге меня лучше убедили, чем все доводы».

Чернышевский любовно отмечал борьбу против гегельянства в критике Белинского как свидетельство самостоятельности русского мыслителя. Самостоятельность критики Белинского, по мнению Чернышевского, в том, что «с каждым годом в статьях Белинского мы находим всё менее и менее рассуждений об отвлечённых предметах или... о живых предметах, с отвлечённой точки зрения... Путь развития критики Белинского определяется тою существенною чертою, что она всё более и более проникается живыми интересами нашей действительности».

Критика Белинского была пронизана жгучими вопросами современности, которые неистовый Виссарион в известном письме к Гоголю 1847 года сформулировал так: «Самые живые, современные

национальные вопросы в России теперь: 1) уничтожение крепостного права, 2) отменение телесного наказания и 3) введение по возможности строгого выполнения, хотя тех законов, которые уже есть». Это письмо, выражавшее «настроение крепостных крестьян против крепостного права...»¹, — подлинное выражение революционного демократизма Белинского. В освободительное движение в ту пору, как указал В. И. Ленин, были вовлечены огромные массы народа. И Белинский говорит, что истинный поэт должен «обратить внимание на толпу, на массу, изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила».

Гегелевской аристократической эстетике, требовавшей от искусства изображения людей высших сословий, Белинский противопоставляет народного героя, как предмет литературы. «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик не человек? Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? Как что? Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, словом, всё то же, что и в образованном человеке!» Этот завет Белинского стал на многие годы руководящим принципом деятельности писателей-демократов второй половины XIX века.

* * *

С наибольшей полнотой развернулась в 40-е годы литературно-критическая деятельность Белинского. Лучшие его статьи о писателях — Пушкине (11 статей), Лермонтове, Гоголе, Крылове, — обширные годовые обзоры литературы (с 1840 по 1847 год) напечатаны в «Отечественных записках» и «Современнике».

Известность Белинского стала необычайной. Он приобрёл авторитет у широких кругов читателей, стал «властителем дум» молодого поколения и всех передовых людей своего времени. «Статьи Белинского судорожно ожидалась молодёжь в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца, — рассказывает Герцен. — Пять раз хаживали студенты в кафейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки». Тяжёлый нумер рвали из рук в руки.

— Есть Белинского статья?

— Есть!

И она проглатывалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трёх—четырёх верований, как не бывало».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 219.

Белинский разъяснял читателю значение великих русских писателей. В статьях последних лет он показал величие и красоту их реалистического изображения жизни.

«Поэзия Пушкина, — писал Белинский, — удивительно верна действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры; на этом основании общий голос нарёк его русским национальным народным поэтом». Роман «Евгений Онегин» предстал перед критиком как «энциклопедия русской жизни». Белинскому был свойственен исторический критерий, и он указывал, что «в лице Онегина, Ленского и Татьяны Пушкин изобразил русское общество в одном из фазисов его образования, его развития». При анализе поэзии Пушкина он разглядел и чётко сформулировал социально-классовый момент, который он, однако, не понимал узко социологически. «Везде видите вы в нём человека, — писал Белинский о Пушкине, — душой и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче — везде видите русского помещика. Он нападает в этом классе на всё, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина». Однако эта сторона не затемнила в глазах Белинского гуманистического и общественно-прогрессивного смысла поэзии великого поэта. «Пушкин явился провозвестником человечности, пророком высоких идей общественных». В Пушкине он увидел поэта мирового значения, творения которого будут питать грядущие поколения. Поэтому он ещё в 1839 году уверенно утверждал: «Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире». В Пушкине Белинский видел гения, который, «работая для настоящего, готовится будущее». Предвидя, что слава его не померкнет в веках, Белинский говорит: «Придёт время, когда он (Пушкин) будет в России поэтом классическим. Придёт время, когда потомство воздвигнет ему вековой памятник».

Творения Гоголя дали возможность Белинскому ещё глубже теоретически обосновать реализм с его новыми качествами. «Гоголь убил два ложных направления в русской литературе: натянутый на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разбурянному актёру, и потом дидактизм». Реализм Гоголя имел и новое качество — яркий социальный аспект: «Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине, ибо Гоголь поэт более социальный, следовательно, поэт более в духе времени». Гоголь ввёл в литературу в качестве

героев простых людей тех, кто «говорил просто, не читая стихов, и поэзию предпочитал существенности». «Под его пером старое становится новым, обыкновенное — изящным и поэтическим. Поэт национальный более, нежели кто-либо из наших поэтов, всемирно читаемый, всем известный».

Творчество Гоголя внушило Белинскому дать такой важный совет писателям: «Берите содержание для ваших картин в окружающей вас действительности и не украшайте, не перестраивайте её, изображайте такую, какова она есть на самом деле, смотрите на неё глазами живой современности, а не сквозь закоптелые очки морали, которая была истинна во время оно, а теперь превратилась в общие места».

Лермонтов внёс новые черты в литературу: гневный протестующий тон и психологизм в изображении характеров. Белинский отметил эти новые качества как проявление «сильного и самобытного дарования», Критику дороги те произведения, где слышны «грозы духа, оскорблённого позором общества», и где звучат бичующие ноты «жгущейся» лермонтовской сатиры.

Творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя послужило живым истоком для нового этапа русского реализма, как называемой натуральной школы. Это обидное название в пылу полемики было брошено по адресу писателей этого направления продажным писателем Булгариным, но Белинский придал ему совсем иной, значительный смысл. Под натуральной школой он понимал реализм как искусство, насыщенное высокими идеями широкой социальной тематики, искусство, посвящённое критике крепостнической действительности. Белинский принял горячее участие в формировании и развитии этого направления в литературе. Впоследствии натуральная школа подготовила расцвет классического русского романа.

Белинский развил в окончательном виде теорию нового реализма в своих замечательных и до сих пор не потерявших значения статьях: «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Ответ «Москвитянину» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

Белинскому было ясно, что молодые реалисты пойдут разными путями, но их роднит и связует глубокий демократизм, реализм и гуманные чувства. И он приветствовал скромного Даля за то, что он «любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком». Интерес к жизни народа, сказавшийся у Даля, по свидетельству Щедрина, послужил могучим стимулом для последующего творчества писателей. «Помню

«Деревню», помню «Антоня Горемыку», — писал Щедрин, — помню до того живо, как будто всё совершилось вчера. Это был первый благотворный весенний дождь, первые хорошие человеческие слёзы, и с лёгкой руки Григоровича мысль о том, что существует мужик — человек, прочно залегла в русской литературе и в русском обществе». Белинский поддержал этот новый демократический реализм.

Революционный демократизм и материализм, освободительные идеи, беспощадная критика порядков крепостной России, гуманизм, разоблачение бесправия крепостной массы, суровый реализм и осуждение мистицизма, идеализма, теории «чистого искусства» — таков эстетический кодекс Белинского, провозглашённый им в статьях 40-х годов.

Высоко ценя отечественную литературу, критик глубоко верил в её самобытность, обусловленную самобытностью русской исторической жизни. «Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что её должно изучать и о ней должно судить на основании её же самой, а не на основании историй ничего не имеющих с нею общего европейских народов». Отсюда Белинский делал вывод, что «история (русской литературы. — Н. Б.), как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы».

Говоря о своеобразии русской культуры, критик поддерживал в ней прогрессивные, демократические элементы, реалистическое искусство, насыщенное пламенным гневом против феодально-крепостнического гнёта. Белинский верил, что это передовое прогрессивное должно победить как в искусстве, так и в самой жизни. «Россия есть страна будущего... Россия в лице образованных людей своего общества носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего». «В нашей литературе всюду живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим, ничто не является случайным».

Великой целью искусства и литературы он считает служение общественным интересам. Искусство не только воссоздаёт жизнь, но и произносит приговор над явлениями. «Что прежде шло и развивалось, но с трудом и медленно, то теперь идёт и развивается легко и быстро. А это тогда только и возможно, когда литература

будет не забавою праздного безделья, а сознанием общества; когда она будет заниматься не стишками, да сказочками, где влюбились, да и женились, а будет верным зеркалом общества, и не только верным отголоском общественного мнения, но и его ревизором и контролёром».

Отсюда понятна борьба Белинского с теорией «чистого искусства». Он писал: «Ещё теперь многие добрые люди, повторяя чужие зады, пренаивно уверяют, что искусство само по себе, а жизнь сама по себе, что между тем и другим нет ничего общего, что искусство унизилось бы, снизойдя до современных интересов. Действительно, если под «современными интересами» разуместь моды, биржевой курс, сплетни и мелочи света, то искусство играло бы слишком жалкую роль... Мы теперь знаем уже, что искусство, как выражение сознания того или другого народа и целого человечества в известную эпоху, — есть как бы биение пульса его жизни, а потому и развитие истории народа или человечества». Писатель должен быть общественно-чутким человеком, «прежде всего, сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы».

А. А. Жданов отметил, что, «начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения»¹.

Белинский указал, по какому пути должен идти художник, чтобы получить всемирное признание. «Для поэта, который хочет, чтобы гений его был бы признан везде и всеми, а не одними только его соотечественниками, национальность есть первое, но не единственное условие: необходимо ещё, чтобы, будучи национальным, он в то же время был и всемирным, то-есть, чтобы национальность его творений была формою, телом и плотью... общечеловеческих идей».

Буржуазный космополитизм нашёл в Белинском непримиримого врага. Он осуждал барское, пренебрежительное отношение к родной демократической культуре со стороны космополитов, которые уничтожали живую связь искусства с родной почвой. «Жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные люди, беспачпортные бродяги в человечестве, — писал он. — Как

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 23. Госполитиздат. 1946.

бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, — не верю я их интересам».

* * *

По меткому выражению И. С. Тургенева, Белинский «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа». В последние годы жизни Белинский часто говорил о том, что он гордится тем, что является сыном России. «Я люблю русского человека и верю великой будущности России», — писал он.

Вера в творческие и жизненные силы народа вдохновляла Белинского и внушала ему чувство восхищения своим народом. «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока ещё рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжённого разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими».

Белинский, имевший право говорить от имени своего народа, справедливо утверждал, что лучшее искусство то, которое признано народом. «Высочайшая похвала, какой только может в наши дни удостоиться поэт, самый громкий титул, каким только могут почтить его современники или потомки, состоит в слове «народный поэт». «Народными поэтами» называет Белинский Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Писатели эти внушали глубокие мысли, благородные чувства и освободительные идеи, черпая их в тесном общении с народом. «Народ, — писал Белинский, — относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она».

Белинский полемизировал с теми «мудрецами» из лагеря славянофилов, которые хотели, чтобы народ пребывал в отсталости. Он убеждённо говорил о необходимости народу «овладеть культурой». Он спорил из-за этого с другой группой «мистических философов», которые думали, что «народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно! Нет, господа мистические философы, нуждается, да ещё как!».

Одарённость русского народа представлялась Белинскому бесспорной. «Русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире», — говорил он и верил, что «Россия есть страна будущего».

Белинского тревожила напрасная гибель талантов из народа:

«Сколько глубочайших натур остаются на Руси не развитыми и глоснут оттого, что не встретились с человеком или с людьми».

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широким слоям народа пути для всестороннего развития. Ленин указывал, что только социализм создаёт возможность «...обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник...»¹.

Белинский много размышлял о судьбах родного народа. Дела крестьянской России он близко принимал к сердцу и, видя в крепостническом строе врага народа, хотел разрушить этот строй.

Белинский признавал неизбежность развития капитализма в России; говорил, что прогресс в стране начнётся лишь тогда, когда дворянство превратится в буржуазию. Но он понимал, что капитализм не может быть истинным источником прогресса, и бичевал язвы и эксплуататорскую сущность капитализма в Европе. Белинский резко критиковал буржуазные понятия о равенстве и свободе, указывая на примеры из жизни Франции. «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором, — писал он в 1847 году. — Всё (во Франции) мелко, ничтожно, противоречиво, нет чувства национальной чести, национальной гордости».

Он предсказывал мрачную будущность буржуазии Англии, где бразды правления взял торгаш. «Торгаш — существо, цель жизни которого нажива; поставить пределы этой наживы невозможно... и каково государству, когда оно в его (торгаша) руках? В Англии средний класс много значит... Кончится время аристократии в Англии... Англия представит собою, может быть, ещё более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция».

В 1847 году Белинский ездил лечиться за границу, и его поразила нищета рабочего класса в Германии: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии... Здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат».

Белинский обличал и страну хвалёной цивилизации — Америку. Как суровый приговор, звучат слова Белинского: «Я сказал: не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавляю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят».

Но, осуждая капитализм, Белинский не звал вспять, назад, к

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 158.

эпохе минувших экономических отношений. Перед его взором будущее рисовалось как другой, более совершенный строй. И в этом будущем, предвидел Белинский, огромная роль будет принадлежать России. «Россия, — говорил Белинский, — лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капиталами и современностью, чем Европа».

В 1844 году в статье о романе «Парижские тайны» Э. Сю Белинский критикует торгашеский характер буржуазной европейской литературы, ее растлевающее влияние, высказывает по ряду вопросов социально-политического характера мысли, совпадающие со взглядами Маркса. Белинский знал первые работы Маркса и Энгельса. В январе 1845 года он дал восторженный отзыв о немецко-французском ежегоднике, где были напечатаны статьи основоположников марксизма. Большое впечатление произвела на Белинского статья В. Боткина — близкого друга критика, — напечатанная в «Отечественных записках» (1843 год, № 1), представляющая собой перевод брошюры Энгельса.

Один из современников Белинского говорил, что «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах». И не удивительно поэтому, что царское правительство в целях изоляции Белинского пыталось арестовать его. После революционных событий 1848 года на Западе обеспокоенное царское правительство послало в квартиру уже больного Белинского жандарма с предложением явиться критику в III отделение, а комендант Петропавловской крепости Скобелев говорил Белинскому, встречаясь с ним на Невском проспекте: «Когда же к нам? у меня совсем готов тёпленький каземат, так для Вас его и берегу».

Смерть, наступившая в 5 часов утра 26 мая (7 июня) 1848 года, спасла Белинского от каземата.

«Перед смертью, — вспоминает Панаев, — он говорил часа два не переставая, как будто к русскому народу...»

* * *

Белинский жил верой в светлое будущее России: «Мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом учёным и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным».

В области литературы он и тогда признавал наличие несомненных успехов. В 1840 году критик заявил: «Да, мы уже имеем поэ-

зию, которая с гордостью может соперничать с поэзией всех народов Европы. Мы думаем, что причина этого явления заключается в глубине и могуществе духа народа, в сокровенном источнике его внутренней жизни... Наша художественная поэзия, в со-
зданиях Пушкина стала наряду с поэзией всех веков и народов».

Всеми этими мыслями Белинский оказывал как на современников, так и на потомков огромное революционное и творческое воздействие. Известно, что революционные демократы 60-х годов — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — признавали его своим учителем. Знаменитое письмо к Гоголю сыграло колоссальную роль в формировании взглядов передовых людей России, начиная с 40-х годов. Если Белинский в своих статьях не мог прямо говорить о революции, то он внушал активное, действенное отношение к жизни. Он будил мысль, критическое восприятие явлений. Он звал вперёд к осуществлению высоких идеалов. «Благо тому, кто, не довольствуясь настоящей действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования...».

Белинский сам осуществлял это в своей деятельности, сочетая в ней единство убеждения и дела.

Своими идеями Белинский подготовлял почву для восприятия марксизма. Недаром В. И. Ленин назвал его одним из предшественников русской социал-демократии.

Влияние Белинского благотворно сказалось на лучших людях братских народов России. «Во всех концах России есть люди, — писал Добролюбов, — исполненные энтузиазмом к этому гениальному человеку». Многие из писателей самых различных национальностей — казахи, грузины, армяне, белоруссы, украинцы — испытали творческое воздействие идей и воззрений Белинского. Благотворное влияние идей Белинского широко распространилось и за пределы нашей Родины.

Сбылись знаменательные слова Белинского о том, что «в будущем мы кроме победоносного русского меча положим на весы европейской жизни ещё и русскую мысль».

Одним из зодчих, положивших краеугольные камни этого будущего здания, был Виссарион Григорьевич Белинский.

Цена 60 коп.